
Похоже, я схожу с ума.
А может, ум с меня сбегает?
Я видел дьявола в угаре,
Я с ним дружил, писал роман.

Наверно, я схожу с ума –
Танцуют в вазе тараканы,
Поют хиты певца Билана
И думают, что он формат.

Я временно сошёл с ума,
Раз дьявол медленно уходит –
Но он одет не по погоде,
Ведь за окном уже зима...

У нас погоде всё равно,
Что нынче праздник – День шахтёра.
Снег вышел шляться по просторам,
Не хочется смотреть в окно.

Уснул не очень трезвый парк,
Скамейки у ДК скучают,
И горожане все в печали –
И всюду снежная крупа.

На сцене ждут людей «Земляне»,
Им уезжать домой пора.
Артистам некому играть –
Лишь бомж играет на баяне.

Бывает и такое

Он знаменит своей мускулатурой,
И для боксёра парень очень умный:
Желает на обед литературу...
Его удар пятнадцать тайсонов в секунду.

На ринге пашет он папа Карло,
А после боя Маяковского читает.
В его наушниках играет Ани Лорак...
Он отдыхает в красновзвёздном Китае.

Свистит пространство после сильного удара,
В нокаут падает варшавский Левандовски...
Придёт домой герой, чайку себе заварит –
И целый вечер громогласит Маяковский.

Когда-нибудь я не смогу кричать,
И издавать я буду только стоны.
Моя душа понизилась на тоны.
Погасла ночь – последняя свеча.

Когда-нибудь я не смогу дышать.
Мой воздух – жизнь, но я с ней разругался.

Я под неё отчаянно менялся,
Как будто шёлком, нежностью шурша.

Когда-нибудь я не смогу страдать.
Устав любить, я выброшу все драмы!
Я так хочу в далёкое, туда,
Где шепчет нежная и ласковая мама...

Ненавидишь меня?

Мне идти по земле сложно,
Если ты ненавидишь меня,
Снова вижу улыбку ножниц
На изгибе зелёного дня.

Растеклось по кварталам солнце
И сползло по шиферу крыш,
Значит я неудачно, создан,
Если ты ненавидишь, малыш.

Спрячусь в небе своём чёрном,
И меня расстреляет гроза.
Всё же парнем я был упёртым,
Раз твоя высыхает слеза.

Неформат

На балконе штаны замёрзли,
И без задниц уснули стулья –
Онемели в развратной позе.
И паласы без ног уснули.

В унитазе застряли проблемы,
Тишина заскулила, но стены
Держат надпись: «Убью эту Лену!»,
И ножами кидаются тени.

Насти нет

К сожалению, Насти нет,
Раньше было в квартире нас двое,
И записка висит на стене –
В ней прощается Настя со мною.

Без неё я смотрю в потолок.
Там сияют забавные звёзды.
Телефон зазвонит: «Я. Алло!»,
Только поздно, опять слишком поздно.

А бумага промокла от слёз,
Я с трудом разобрал твоё имя.
Ты ушла в детский шёпот берёз
И шуршала листвой, как богиня...

На кладбище животных
Несу свои стихи
Среди травы болотной
Утонут в топь шаги

Я вскапываю землю
Своей пустой душой,
Кладу своё безделье,
Своё «нехорошо».

Я знаю: завтра в полдень
Стихи ко мне придут
И словно двадцать молний
Мне сердце обожгут

Я знаю, прав был Стивен:
Нельзя родиться вновь

Стихи позорят имя.
Умру среди стихов.

Я стоял и молчал. Ты молчать не могла:
Вместо слов растекались стихи.
Неожиданно к сердцу подкралась игла
И корябала нежностью, и

Ты кричала, шумела в моей голове!
Голова лишь кружилась в ответ,
Сердце плакало кровью иголке в ответ,
Вопреки озорной голове.

Ты забыла молчать, я кричать позабыл,
Только чувствовал в сердце металл.
В разноцветном сиянии падшей судьбы
Я любить просто очень устал.

Белый шум

Я спать боюсь, мой сон меня пугает,
Кошмары снова лазают по стенам.
Ночь тяжело по крыше бьёт ногами –
Я прячусь от неё в немой постели.

Пусть сам с собой бормочет телевизор –
Ведь с ним свои проблемы не решу я.
Погасли мысли – битые сервизы,
Я растворяюсь в вечном белом шуме.

Сентябрь

Никто и никогда не умирал
В моей судьбе, но год притёрся хмурый,

Сентябрь занял, и с самого утра
Он занят дождевою процедурой.

Спешил к тебе – но всё же не успел
Обнять тебя, пожать мужскую руку.
Мне не закрыть в своей душе пробел:
Угасла жизнь и родила разлуку.

Сентябрь занял, и с самого утра,
Он занят дождевою процедурой.
Похоронил отца ещё вчера,
Но новый день сказал мне: «Дед твой умер...»

Эх, голову сводил бы кто постричься –
Давно она не стрижена, лохматая!
Незаурядная, конечно, личность,
И иногда людей ласкаю матом я.

Но так случилось, что немного странный
Бюджет квартиры, по которой ползаю:
Стихи мои бредут из тёплой ванной,
Висят на люстре золотыми гроздьями.

А голова осталась, жаль, лохматой.
От неудобства я невольно ёрзаю:
Я Филиппенко! Знайте, не Филатов я,
Фамилию раздайте первой порцией!